

СУВЕРЕНИТЕТ И ПРИНЦИПЫ ОБЩЕЖИТИЯ НАРОДОВ

Массовые движения и будущее Союза

Международный «круглый стол» ученых

В апреле 1991 г. Институт социологии АН СССР проводил международную конференцию «Культура массовая психология массовые движения». В ее рамках состоялось обсуждение за «круглым столом» проблем, связанных с бурными политическими процессами в нашей стране: распадом прежних структур власти и становлением новых, стремлением республик и автономий к суверенитету, национальными движениями и т. д.

Предлагаем вашему вниманию резюме этой дискуссии, в которой приняли участие: Владимир ЯДОВ, Леонид ИОНИН, Александр ХАГУРОВ (Институт социологии АН СССР), Валерий ТИШКОВ, Виктория КАРАТЕЕВА (Институт этнологии и антропологии АН СССР), Алистер МАК-КОЛИ (профессор Университета Сассекса), Джеффри ХОСКИН (профессор Школы славяноведения Лондонского университета), Эрнест ГЕЛНЕР (профессор Китс-колледжа Кембриджского университета) • Франсис КОНТ (профессор кафедры русской истории в Сорбонне, Париж IV).

Материал подготовила редактор отдела журнала Татьяна ИЛЬИНА.

В. Ядов. Ситуация в советском обществе крайне сложная, кризисная. Идет процесс дезинтеграция экономических, общественно-политических и социальных связей и структур. Не ослабевают межнациональные и межреспубликанские конфликты, отсутствует активный политический Центр, в массовом сознании происходит нарастание пессимизма, недовольства, неудовлетворенности. В общественном мнении наблюдается падение авторитета решительно всех структур власти. Общественное мнение весьма изменчиво; популярность разных лидеров скачет вверх и вниз. Резкие сдвиги произошли в области идеологического сознания. Еще весной 1990 г. более или менее значимые группы населения высказывались за социалистический путь, или путь «обновления социализма», а сейчас подавляющее большинство людей считают, что они должны жить достойно и нормально, независимо от того, какая идеология господствует в обществе.

А. Мак-Коли. Особое значение в происходящем у вас процессе реформ приобретают проблемы распределения доходов, бедности и социальной защищенности людей. Мне кажется, что в такой кризисный момент, какой СССР переживает сейчас, вообще нельзя выдвинуть хорошо обоснованных программ социальной защиты. И надо понять, что главное сейчас

даже не в атом, а в решении более крупных проблем, касающихся того, каким будет Союз. А ведь ни в одной из выдвигавшихся весной 1991 г. разными политическими силами программ выхода из кризиса не затронута всерьез проблема будущего облика Союза. Только на основе ее решения возможно долгосрочное и надежное планирование выхода из кризиса. Только в этом случае может быть стабилизировано денежное обращение, а стабильная денежная система — главное условие прекращения спада промышленного производства и повышения уровня потребления.

Будущий облик Союза — это вопрос, урегулирование которого повлияет в на международные отношения. Только в случае его адекватного разрешения СССР может уладить проблему своего внешнего долга, что облегчит внутренний кризис.

Поэтому надо прежде всего, чтобы республики наконец договорились между собой и с Центром — реально, а не формально. Пока этого не произойдет, кризис будет только углубляться.

Дж. Хоскин. Я полагаю, что самый глубинный процесс, который происходит сейчас в Советском Союзе, — это запоздалое завершение перехода от традиционного общества с его сплоченной общиной к современному юридическому обществу. Капалось бы, этот процесс уже давно осуществился: внешне урбанизация, модернизация Советского Союза произошли уже в 30-х, 40-х, 50-х годах. Однако, хотя в СССР и приветствовались современность, прогресс, индустриализация, но в то же время парадоксальным образом сохранялись и многие черты деревенского традиционного общества, например коммунальная бедность, интеллектуальная ограниченность, личная зависимость от, скажем так, князей, полуфеодалная иерархия. В подтверждение того, что в СССР менталитет общинности во многом сохранился до наших дней, я сошлюсь на двух авторов: М. Левина, который ярко описал, как советский город «одеревенел» в 30—50-х годах, а А. Зиновьева, изображающего в своих романах коммунальный быт.

Сейчас процесс перехода наконец завершается — хотя и запоздало, во очень бурно. И люди в поисках чего-то нового, стремясь избавиться от старого общества, обращаются прежде всего к этносу, к нации как сосредоточению своих надежд. Это происходит в разных республиках по-разному: в Прибалтике, например, сравнительно мирно, поскольку духовно там этот процесс уже завершился полнее, чем в других республиках. Средняя Азия находится на другом конце шкалы, там сохраняется не только внутренне, но во многих отношениях и внешне традиционное деревенское общество.

Поскольку в нерусских республиках это ведет к мощному усилению национального самосознания, происходит, я бы сказал, распад империи. Это звучит апокалиптически и на самом деле чревато серьезными опасностями, во я надеюсь, что есть еще ресурсы для политического сдерживания этого процесса и, возможно, даже управления им.

Что происходит при распаде империя? В XX в. мы, особенно Великобритания, имеем на этот счет определенный опыт. Когда становится ясно, что империя подходит к концу, тогда проконсулы (на советском языке — первые секретари обкомов партии) переориентируются на собственные республиканские структуры, на местную интеллигенцию, на родной язык, на родную культуру. Подобный процесс и происходил у вас в 1988—1990 гг. и завершился «парадом суверенитетов». Такова была политика народных фронтов, в которых часть аппарата заключила союз с национальной интеллигенцией. И в Эстонии, и в Грузии, Азербайджане, Узбекистане - везде были свои варианты одного а того же процесса.

Возникает ситуация, когда местные власти союзных республик и автономий пользуются гораздо более высоким авторитетом, чем союзное правительство, среди своего населения и даже иногда среди имперского насе-

ления (я имею в виду русских, украинцев, белоруссов, которые живут в других республиках). Например, как известно, в Прибалтике русские и украинцы чуть ли не в большинстве своем голосовали за независимость балтийских республик. Республиканские власти с этой точки зрения находятся в очень выигрышном положении. Однако они не имеют ни охраняемых границ, ни собственной валюты, ни прочных финансов, ни постоянных отношений с зарубежными странами, ни, тем более, вооруженных сил. То есть большинство признаков настоящей государственности у них отсутствует. Союзное же государство пока еще имеет в своих руках все эти атрибуты, но или не может, или не хочет пользоваться ими до конца. Я думаю, особенно это касается вооруженных сил: партийный аппарат не-таки побаивается армии и КГБ, ведь история Советского Союза и Польши показывает, что эти силы могут при определенных обстоятельствах оттеснить партию от власти.

Получается патовая ситуация: у Центра — все силы принуждения, у республик — легитимность в глазах населения. Надо найти способ свести вместе все эти атрибуты власти. Чем дольше длится эта патовая ситуация, тем явственнее власть растекается к союзным республикам и даже ниже. По-моему, единственный мирный выход — это согласование на всесоюзной конституционной конференции нового Союзного договора, который пойдет не из Центра, а будет создан на основе предложений, исходящих снизу. Сейчас же, кажется, руководство в республиках охвачено чувством, будто Горбачев им что-то навязывает.

Подчеркну, что тем республикам, которые хотят выйти из Союза, должна быть дана такая возможность — не с громоздкой, длинной процедурой, как предполагается сейчас, а с единственным условием: чтобы они гарантировали полные гражданские права своим национальным меньшинствам.

Чтобы добиться созыва такой конференции, необходимо тесное сотрудничество народных фронтов нерусских республик или играющих эту роль других движений с демократами в России, которое ставило бы своей целью не только оказывать давление на Горбачева, но и помогать ему.

Мне кажется, очень важно, чтобы в России демократы укрепили связь с рабочим классом. Той консолидации, которую национальное чувство уже создало и укрепило в других республиках, российским демократам при всем их старании добиться пока не удалось.

Э. Геллер. Как говорили Г. Гегель и К. Маркс, история повторяется дважды: первый раз в виде трагедии, второй — в виде фарса. Очень боюсь, как бы в России трагедия не повторилась и во второй раз. В первый раз, когда на обломках Российской империи возникло государство, которое воспроизвело у себя все ее ошибки и проблемы, это окончилось временем Сталина. Вслед за профессором Хоскином повторю: неконтролируемый рас-лад этой империи представляет большую опасность.

Сейчас сложилась ситуация, когда М. Горбачев стал непопулярен у советской интеллигенции в еще сохраняет сравнительную популярность на Западе. Для меня странность этой ситуации представляет ее эмоциональный аспект. Я понимаю, что можно не соглашаться с тактикой, используемой Горбачевым. Но меня удивляет, что большинство представителей интеллигенции, с которыми я говорил, не просто не согласны с Горбачевым, но и ненавидят его. Боюсь, что в душе советского, московского интеллигента еще существует этакий политический мессианизм: они хотят, чтобы политики были богатырями на белом коне. Прячем этот мессианизм ее вполне осознается, и я боюсь, что среди интеллигенции его больше, чем в народе. Политику можно делать и без мессианизма, без упований на вечное спасение, а просто выбирая между большим злом и меньшим алом.

В. Тишков. Продолжая мысль о мессианизме, я бы сказал, что и его основе лежит одна из надменных претензий, которая сохраняется уже многие десятилетия и остается очень живучей. Она порождена нашим догматизированным обществознанием и в целом политическим мышлением. Это установка на так называемое научное руководство обществом, а отсюда на вечное его конструирование и переделывание, на социальную инженерию. Отношение к человеку как к материалу, пренебрежение тем, что общество является в определенной мере саморегулирующимся и самонастраивающимся механизмом и что главный источник его саморегуляции — это индивидуальная и групповая свобода, и порождают мессианизм интеллигенции. Тем же обусловлены и близорукие действия наших законодателей, и неудачи политических лидеров. Как изменить эту установку — другой вопрос. Видимо, его должны поставить и дать пример решения сами ученые.

Пока что ученые пребывают в эйфории от соучастия в новых структурах власти, забыв свою давно лелеемую мечту овладеть когда-нибудь собственными «башнями из слоновой кости». Не достигнув еще академической свободы, испытывая гражданские чувства и полагая, что в переломный период нельзя оставаться в стороне, мы утратили свое главное качество как ученые. Это качество — обязательное соблюдение дистанции между наукой и политикой, наукой и государством. Наша задача — отслеживать, анализировать явления и выносить свои суждения, а принятие решений — дело власти.

Если почитать материалы многих научных «круглых столов», можно увидеть, насколько живуче в нас стремление к мессианству, о котором говорил профессор Гелнер. Изжить его необходимо для самой науки, поскольку это позволило бы снизить не только претензии ученых, но и претензии к самим ученым со стороны общества, которое сегодня ищет виновников межнациональных конфликтов в этнографах, развала экономики — и теоретиках-экономистах...

Есть проблема, которая вызвала настоящий пожар в умах: это концепция этнонационализма, принеся уже много миллионов жертв. Это вера в то, что объективно существуют некие типы этнокультурных общностей, называемые нациями, и что только эти общности легитимируют государственность, только на их основе можно создать здоровое хозяйство и простор для культурной жизни. Этнонационализм был вмонтирован практически с самого начала в нашу систему и идеологию, он нашел отражение в сталинской дефиниции нации. Как ни пытались вырваться из рамок этой дефиниции наши ученые, все же здесь качественного прорыва не произошло.

Как преодолеть эту концепцию? С одной стороны, понятно, что идея универсалистского государства, когда государственность, власть формируются только лишь на основе согражданства, а внутренние структуры — на основе регионов, воплощается во многих многонациональных государствах, сложившихся на эмигрантской основе, и где партикулярные интересы групп, так называемых меньшинств, реализуются через индивидуальную или групповую автономию, но не через государственность. Ясно, что этот путь для нас заказан, и не только потому, что наши народы продолжают занимать те же территории, где они сформировались. Элемент подвижности этих границ гораздо выше, чем нам представляется. У нас насчитываются десятки миллионов людей, которые не знают, кто они. Или имеют двойную этническую лояльность. Мы их насильственно заставляем занять позицию эксклюзивной этнической лояльности: или грузии — или осетин, или украинец - или русский, другого не дано, а вместе то и другое — невозможно. На самом же деле это не так, это лишь практика, которую мы сохранили со сталинских времен. И тем не менее велика роль

веры в этническую общность как основу организации для коллективного действия, самую легкую, доступную, воспринимаемую в нашем обществе, где отсутствуют подлинные гражданские институты, многопартийность, свобода предпринимательства, такие космополитические социальные слов, как, скажем, деловая элита, которая во все времена играла скрепляющую роль в социуме.

Этнонационализм был и, видимо, долго еще останется мощной силой. Другое дело, что надо сделать хотя бы один сознательный шаг в сторону от него, не конструировать дальше в головах людей эти стереотипы. Ведь в значительной мере национальные движения родились, были сконструированы именно в головах интеллектуалов, и иногда это была очень плохая стратегия, например стратегия Карабахского движения. В наш век всеобщей образованности, когда статья в научном журнале тут же становится всеобщим достоянием, эту стратегию подхватывают политики, а затем и все массы.

Ученым, творческой интеллигенции нужно вести себя осмотрительнее, понимать, что происходит. Скажем, не принимать законы, само название которых - о нравах граждан, проживающих на территории не своей национальной государственности - может быть прочитано (хотя закон был призван защищать права меньшинств) коренными нациями в своих интересах. Надо, чтобы в этих законах не было того, что разъединяет людей.. живущих на одной улице, заставляет их думать, на своей ли территории они живут или на чужой.

Перестать конструировать этнонационализм, признав его в то же время как реальность,— это, видимо, вторая задача ученых. Западного универсалистского государства нам, видимо, не построить, но и принципа национальной государственности (один народ — одно государство) не реализовать. Этот принцип не был реализован в истории и никогда не будет осуществлен. И чем ближе наши республики, регионы подходят к стадии самоопределения, тем больше они понимают туниковость национальной государственности, тем чаще они начинают говорить, как теперь В. Ландсбергис, что самоопределяется не литовская нация, а народ Литвы. А вопрос национальности, как гласит закон, недавно принятый в Латвии, это сугубо индивидуальное дело каждого гражданина, и можно ее вообще не заявлять и нигде не фиксировать.

И последнее. Для России вопрос сейчас стоит очень остро. Начинается тот же круг этнонационализма, по которому идут другие союзные республики: Центром разыгрывается карта национальных автономий, а автономии, и прежде всего их аппаратная верхушка, с удовольствием эту игру поддерживают. В свое время Б. Ельцин робко сформулировал несколько иную концепцию: нужно дать равные права региональным образованиям, где развивается своя культура, и сделать их субъектами федерации. Сразу же Центр обвинил его в том, что он пытается разорвать Россию на удельные княжества. И тут же и Ельцин, и все демократы пошли на попятную. На мой взгляд, спасение только в децентрализации России. Она не сможет существовать как единое и неделимое государство. Она должна быть децентрализована, и здесь должен быть реализован принцип со-гражданства самоуправляемых сообществ на региональной основе. Иначе мы опять зайдем в тупик.

Л. Ионии. Говоря о политических процессах в стране, нельзя обойти тему, вошедшую в название нашего «круглого стола», — массовые движения. История знает не абстрактные, а совершенно конкретные формы существования масс, которые, по моему мнению, имеют универсальную природу. К их числу относятся и демонстрации, и массовые митинги, и забастовки.

Я бы хотел поставить один риторический, но очень важный вопрос:

являются ли современные демонстрации, например демонстрации демократов в Москве, формой выражения демократических чувств и идей, или они представляют собой демократию как таковую? С моей точки зрения, в значительной степени эти демонстрации являются демократией как таковой, т. е. без них демократия просто не существует.

Другой вопрос: возможно ли рабочее, забастовочное движение без повторяющихся митингов, таких, какие проходят в Кузбассе, Донбассе, Караганде? Или эти митинги являются одним из экспрессивных механизмов статечного движения? Я думаю, что массовые феномены играют конституирующую роль во многих крайне важных политических процессах, т. е. политика реализуется не на уровне идей и абстрактных теорий, а осуществляется именно в этих массовых процессах.

Массам сопутствует власть. Часто приходится слышать, даже от ученых, что правительству у нас глупое, власть тупая, она не понимает, что происходит, и не может удержать контроль над процессами.

Однако в истории Советского государства было по крайней мере два настоящих мастера массовой политики — Ленин и Сталин. Теорию своего обращения с массами они не разрабатывали, однако знали эмпирические рецепты, имели навыки работы с массами, которые они использовали для собственной политической выгоды, но одновременно и для выгоды самих масс.

Разумеется, мне возражат: о какой выгоде для масс идет речь? Ведь были миллионы жертв. Но все жертвы были индивидуальны, а в массе вообще индивидуальность кончается. И от этих жертв масса выигрывала, масса спланивалась еще больше, потому что, как писал один из моих любимых авторов Эли Осканетти, лучший способ сплотить массу — это взять и принести из ее рядов жертву.

В нашей стране сейчас делаются робкие, неуверенные попытки уйти от этих старых, укоренившихся и в массе, и у власти стереотипов взаимодействия. Эти стереотипы преодолеваются с огромным трудом, тем более что есть новые кандидаты на роль вождей массы. Я имею в виду прежде всего Б. Ельцина, у которого, безусловно, имеется определенная харизма, или эмпирические рецепты общения с массами, часто им, видимо, не осознаваемые. Попытка выйти из этого популистско-вождистского стереотипа взаимоотношений с массами, во-первых, делает наше руководство непопулярным в глазах массы, привыкшей к прежним канонам, и во-вторых, заставляет многих интеллектуалов, ученых заявлять, что наша власть глупа, тупа, всегда делает не то, что нужно, опаздывает и т. д.

Для политиков в нашей стране очень важно искать способы преодоления стереотипов взаимоотношений массы и власти. А для ученых — забыть в разговоре о массах о традиционных социологических концептах и попытаться использовать универсальные культурные категории.

В. Ядов. Мне хотелось бы подчеркнуть, что традиционно в нашей культуре и политике большая роль и реальная сила принадлежали Центру. Это связано и с системой власти тоталитарного режима. Инерция силы Центра сохраняется до сих пор и укрепляется постом Президента СССР. И несмотря на заявления о суверенитетах, о том, что местные власти имеют достаточно полномочий, на самом деле в массовом сознании все отрицательное, что происходит в обществе, все «минусы» («плюсы» никогда не относились на счет кого-то одного, а всегда распространялись на нескольких - заслуженных и достойных), все негативное адресуется Центру. Поэтому выгодна позиция всех, кто критикует Центр, будь то российский парламент, или забастовщики, или те, кто поддерживает забастовщиков.

Единственный разумный выход — это скорейшее заключение Союзного договора хотя бы частью республик в нахождение компромисса между

республиками, создание правительства межреспубликанского согласия.

^{М.} М. Вебера есть идеальная классификация типов легитимности: целерациональная харизматическая, традиционная и иррациональная легитимность кровавая диктатура. Кровавой диктатуры мы должны избежать всеми силами. Харизматическая — объективно невозможна из-за отсутствия лидера (Горбачев потерял свою харизму, никто другой ее не может приобрести: Ельцин популярен в России, но вряд ли может сплотить народы всей страны), к тому же идея лидера-провидца, мессии, уже в принципе не принимается общественным сознанием. Традиционная легитимность отпадает, и остается одна — целерациональная легитимность, то есть легитимность на основе межреспубликанского согласия. Подчеркну, что это - единственный выход.

В. Тишков. Нас пугают порой такими фразами: «страна перестанет существовать», подменяй тем самым понятия. Ведь общество существовать не перестанет. История еще не знала прецедента, когда люди, живущие в определенной чисти Земли в определенное время, были бы не способны самоорганизоваться. Поэтому не нужно конец Союза обозначать негативно, как некую национальную катастрофу. Я бы подошел к этому с другой точки зрения: не что произойдет — сохранится ли Союз или нет, и что это будет означать реально - не останется ли он союзом мини-империй. Нейдут ли лидеры на то, чтобы демократизация углубилась от республиканских суверенитетов до муниципалитетов, общин, каждой личности. Не нужно думать, что, если сейчас будет подписан Союзный договор, он окажется панацеей. Новая империя, каков бы ни была ее форма (союз, федерация или конфедерация) — не выход из положения, тем более, что мы уже очень сильно рассорили народы, и это так быстро не исправить. Хот над чем нужно думать сегодня: как спустить процесс суверенизации не из Москвы и Киев, а на нижний уровень самоуправления. Л медь за шесть лет перестройки демократизация на этом уровне еще и не начиналась.

Ф. Конт. У меня маленькое, но, может быть, провоцирующее замечание. Меня ни поражает, когда здесь говорят «страна», «Союз», потому что на самом деле - это понятие просто идеологическая конструкция. И если нет больше идеологии, я не вижу, какой цемент способен соединить все эти народы и республики. Здесь много проблем, но я бы выделил две главные -- это проблема «цементирующего средства» и «опрос динамики общественных процессов».

В. Ядов справедливо говорил о легитимации. Я не вижу, какую легитимацию можно вздумать сейчас, чтобы сплотить республики. В конце концов, Российская империя, в отличие от Османской или Австро-Венгерской, продолжала существовать просто потому, что у нее была новая легитимация в виде советов,

А. Мак-Коли. Я отвечу: «цементом» для федерации может послужить экономическая основа. Мы видим, как в Западной Европе происходит интеграция именно на основе экономической выгоды ...

Ф. Конт. Да, но есть огромная разница: западноевропейцы сами выбрали этот путь, а здесь его не выбирали. И если эти нации сплочены насильно, то для них экономика не будет первостепенным вопросом. Если империя распадется, тогда, может быть, через какое-то время (на мой взгляд, очень быстро) эти народы поймут, что и география, и геостратегия, и экономика, и давние традиции — все это вместе организует ансамбль и сближает их ...

А. Мак-Коли. Но именно проблемы экономики не могут ждать, пока этот процесс завершится! Поэтому сейчас, чтобы их решать, необходимо больше доверия и доброй воли между республиками. И если начинает

проводиться какая-то кооперация в области экономики, финансов, то она является хорошей основой на будущее.

Л. Иония. Во всех выступлениях здесь прослеживается такая мысль: мол, Советского Союза больше не существует и должна строиться новая легитимация, поскольку идеологическая легитимация умерла. То, что она умерла, - верни, но все-таки еще не исчерпала себя традиционная легитимация, идущая издалека, из Российской империи. И хотя во многих республиках она значительно ослабла, но надо учитывать, что нынешний «парад суверенитетов» организован, сконструирован еще и местной бюрократией. На это справедливо обратил внимание профессор Хоскин. Это еще не кризис легитимации в широких массах. Мне кажется, Советский Союз еще продолжает существовать и исправление ситуации в экономике должно сыграть важную роль в его стабилизации.

Кроме того, «парад суверенитетов», эта борьба за независимость, и принципе очень вредна с точки зрения борьбы за свободу. Ведь сплошь я рядом мы имеем в республиках соединение стремления к независимости с авторитарными тенденциями. Действительно свободная страна рождается тогда, когда, как говорил В. Тишков, возникнет независимость «снизу», хотя бы для начала независимость производителей, которая необходима для экономики. А независимость производителей требует единого экономического пространства и единого политического пространства. И мне кажется, что уже наступает время для осознания этих тенденций. В это» я вижу перспективу сохранения Союза.

В. Каратеева. В. Тишков затронул модную сейчас тему регионализма. В связи с этим вообще проявляется отношение к нации как к некой конструкции, а не к чему-то реально существующему. Я бы с этим не согласилась. Другое дело, что нации сами делятся на разные типы: территориальные и этнические — разграничение, известное в европейской истории. И получение суверенитета теми государствами, которые сейчас являются республиками, еще не определяет, будут ли там созданы нация территориального типа или этнического.

В недавней нашей истории были разные попытки решения национального вопроса. Один из вариантов установления соответствия этнической нации республике — это непризнание этнических меньшинств и стремление их ассимилировать. Такую политику долгое время проводил Азербайджан по отношению к ряду мусульманских меньшинств. Одним из серьезнейших препятствий этой политике было, конечно, армянское население, которое таким образом вписать в состав азербайджанской нации невозможно. Сходная картина наблюдалась в Узбекистане, где таджикское население считалось узбеками, хотя признавалось, что в повседневной жизни они говорят по-таджикски.

Второй вариант мы видели несколько лет назад в Прибалтике, а сегодня видим в Грузии. Он состоит в том, чтобы признать существование этнических меньшинств, но строить государственную политику, опираясь на этническую нацию и государство, созданное для нее. Республики Прибалтики поняли тупиковость этой ситуации, поссорившись со своими этническими меньшинствами и осознав, что свои политические цели они таким образом могут похоронить, и приняли другую идею — идею территориальной нации. Сейчас можно сказать, что в Прибалтике идет процесс, формирования наций на основе перехода от этнических наций к территориальным.

В Грузии подобный процесс еще не начался. Я думаю, что это соответствует идеологической позиции ее лидера и что в этом состоит причина нынешних конфликтов, когда признается, что грузинская земля существует только для грузин, а остальные - гости на ее территории и потому не имеют равных прав с хозяевами.

Как видим, в каждом регионе, в каждой республике проводится и будет проводиться своя национальная политика. Поэтому связывать проблему дезинтеграции Советского Союза, формирования новых государств с тем, что на самом деле наций как бы и нет и они достаточно вариативны, мне представляется не очень обоснованным.

А. Хагуров. Я бы усомнился и том, правомерно ли здесь применяется понятие «империя» к СССР. Как-то телевизионный обозреватель В. Познер пытался объяснить в одной из газетных статей, что такое империя. Ее признаком является насильственное объединение территории какой-то страны. Но по этому признаку империей является любая великая держава: и США, и Германия... Я думаю, классическая империя — это была Англия, когда она как единая этносоциополитическая система присоединяла к себе другие территории, которые потом от нее отпали. Совершенно иным был исторический путь России, которая как этносоциополитическая система формировалась путем постепенной интеграции близлежащих территорий. Поэтому именовать ее империей в традиционном смысле слова, по-моему, нет оснований.

Я бы здесь провел аналогию с Германией. Известно, что Пруссия явилась центром объединения Германии, которое проводилось железом в кровь. Какому нормальному человеку было бы теперь понятно гипотетическое разъединение Германии и борьба за суверенитеты? Мне как среднему гражданину «империи» тоже непонятно, почему она должна умереть. Мне, »то представляется одним из вирусов дезорганизации, проникшим и в массовое сознание.

Кстати, массовое сознание было очень полярным во все годы тоталитарного режима. Парадоксально, но сейчас оно просто поменяло «плюс» на, «минус». Такого массового сознания, которое было бы дифференцировано, имело бы структуру, у вас до сих пор нет.

Мы не называем те движения, которые существуют в республиках и особенно в крупных городах, демократическими. Я считаю это название весьма условным, потому что я по программам, и по тактике, в по методам действий в них очень много «необольшевизм». Это своеобразный социальный мутант, и ничего демократического в этих движениях на девяносто процентов нет. Я выступаю с центристских позиций, сам в Краснодарском крае вхожу в национальное движение адыгов и вижу ситуацию изнутри. Пока наше движение идет нормально, но через несколько месяцев тоже может заявить, что ему нужны свои представители в ООН. На самом деле это нужно его лидерам, а не простым людям.

Я знакомился с литературой по альтернативным движениям в Германии. И встретил высказывание одного из их специалистов: эти альтернативные движения, говорит он, «позволяли нам открыть фашизм внутри вас»... Я считаю, что это главное открытие перестройки: и все реформы, в совершенствование социальной структуры — все упирается в проблемы личной культуры. Обществу нужна культурно-идеологическая революция. Без этого экономику не поставят на ноги никакие программы. Дж. Хоскинс. Я не могу оставить последнее выступление без ответа. Разве объединение СССР происходило без применения насилия? Возьмите Западную Украину и Западную Белоруссию предвоенных лет. Там депортировали от 5 до 10% населения. О какой мирной интеграции можно говорить?

Некорректно и обвинять сегодняшних демократов в «необольшевизме». Ни одно из демократических движений не пытается и не ставит целью захватить власть с помощью насилия, а большевики именно это и сделали. **В. Ядов.** У нас очень много говорят сейчас о «необольшевистских» тенденциях среди демократов, имея в виду не программу, а методы. Это стилевая, а не целепрограммная характеристика. Однако стиль нетерпимости

вообще характеризует нашу нынешнюю культуру, из которой мы все вышли...

Л. Ионин. Я бы поддержал вашего английского коллегу. Если подойти принципиально, то нет никакой разницы между присоединением Грузии в 1921 г. я покорением Сибири Ермаком. Вся Российская империя, конечно же, складывалась насильственно...

Ко поводу империи: существуя» два общесоциологических понятия — власть и господство. Власть — легитимирована, она открыто выражает себя. Господство, которое ближе к прямому Василию, — стыдливо. Оно скрывает себя, реализуется, не стремясь о себе заявить. При тоталитарной системе господствовала Коммунистическая партия, прикрывая это господство видимостью демократической власти. Фактически на местах управляли, по выражению профессора Хоскива, проконсулы (я бы их даже назвал «гауляйтеры»), которые правили завоеванными регионами от лица оккупационной державы. Можно сказать, что сейчас от имперского господства остались лишь жалкие пережитки...

Ф. Конт. И все же, мне кажется, главный выбор, стоящий сейчас перед вашей страной, - это либо империя, либо демократия. И между ними нет ничего общего...

© Т. Ильина, 1991